

«Владислав Цап оказался своеобразным «живописным зеркалом», отразившим созидательный подвиг своего народа, историю своего города»

Местечковый романс

Пик творчества этого замечательного художника из Биробиджана пришел на весьма трагический для нашей страны и народа период — 90-е годы XX века и на «нулевые годы» начала третьего тысячелетия, ознаменованные глубоким духовно-нравственным и затаженным социально-экономическим кризисом. Так вышло, что Владислав Цап оказался своеобразным «живописным зеркалом», отразившим созидательный подвиг своего народа, историю своего города, который был воздвигнут по доброй воле энтузиастов на пике политических репрессий 1937 года на месте станции Тихонькая Амурской железной дороги. Художник воспедал своих сограждан и собратьев в беде и в радости, в счастье и в горе во всю широту своей отзывчивой души.

Искусство призвано задавать людям вопросы, а не отвечать на них. Высокое искусство преподносит нам идеал, достойный нашего подражания, и в нашей воле — подражать ему или нет. Как правило, высокое искусство предпочитает молчать о будущем, ибо оно вместе с художником впадает до лучших времен в летаргический сон.

Наш внутренний голос постоянно напоминает нам о том, что искусство вечно, а жизнь коротка. Жизнь так коротка, что многие творческие люди не успевают оставить после себя добрую память о себе. Всем творческим людям надо спешить, спешить медленно (festinamente), спешить вдумчиво. В каждой эпохе жить нелегко, и не каждый человек рождается в этот мир с серебряной ложкой во рту. Не всякому человеку случается родиться в храме девяти муз, в любви и неге. Миф о Золотом веке человечества, увы, продолжает оставаться одним из призрачных «золотых снов» человечества. Вбирая в себя все, человек способен стать чем угодно. Преодолевая себя, он всегда есть результат собственных усилий. Сохраняя возможность нового выбора, человек никогда не может быть до конца исчерпан никакой формой своего наличного бы-

тия-жития в мире.

Человек для художника Владислава Цапа — это понятие почти сакральное. Во многих полотнах Цапа заложен глубокий философский смысл, в основе которого лежат не только верования древних иудеев, но и античное герметическое миропонимание в духе Анаксагора из Клоземена (610–574 до н.э.): «Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце». Выполненное в форме цветного народного лубка полотно художника «Встреча солнца в Биробиджане», заставляя нас вспомнить не только древние солнечные мистерии египетского фараона-реформатора Эхнатона, но и ежегодную встречу солнца 7 февраля на самой высокой сопке в заполярном Североморске, где «после ноября приходит солнце в город, словно в гости...

*...Пусть краешек его увидишь ты вдали,
Но сердце радостно откликнется стократно,
Вернешься вниз,
Как будто искупавшийся в любви
В дороге к солнцу и обратно!*

Для Владислава Цапа поэзия, как и живопись, — это не фантастический вымысел, а выражение внутренней жизни, глубокой человеческой сущности. Поэзия полотен этого художника не направлена против реальности и она не возвышается над ней, она находится внутри реальности и представляет собой ее подлинное значение.

Поэзия не должна быть ничем иным, как быстрым чередованием картин и образов, сияющих и звучных, соединяющих ритм и звук. А посему нет смысла упрекать такую живопись и поэзию в отсутствии глубокого смысла. То, что мы находим в произведениях Владислава Цапа, — это не что иное, как время бытия художника, прожитое в непосредственном соприкосновении с реальностью. Впервые художник не ищет возможности изобразить какие-то внешние события, а стремится передать тревогу и беспокойство

собственного внутреннего мира и ответить на вопросы: «Кто я? Каков смысл моего бытия? На кого я должен быть похож и кому должен подражать, чтобы стать лучше? Что произойдет, когда меня больше не будет?»

«Еврейские картины» Владислава Цапа носят одновременно сугубо житейный ха-

с ними стакан водки и хвост селедки. Однако героям полотна выдающегося художника Биробиджана чужд этот обеду-ужин рабочего аристократа времен великих пятилеток. На столах его биробиджанских евреев благородная пища предков — четыре чаши вина и благословенные оливы, финики, виноград, фиги, груши, виш-

Полетели

актер, в них с большой долей нежной иронии выражена культура повседневности жителей переселенцев отдельно взятого «зимнего местечка». Это «Ханука», «Пьющие евреи», «Из пивной», «Любящая жена», «Маца», «Портной», «Клемер», «Давай, Гоцмах!», а также и другие работы, посвященные танцорам и музыкантам из народа, — играющим на скрипке среди бела дня на улице, в окружении бездомных собак Биробиджана, и при луне на крыше барака в окружении кошек-меломанок.

Воображение художника выше реальности, но опираясь на нее, правдоподобие превосходит правду, не отталкиваясь от нее. Живопись стремится уже не к изображению объективной реальности, а к подлинности того, что рождено воображением, то есть к созданию образа.

По сути, все полотна Владислава Цапа отображают один долгий буднично-праздник, точнее, будни праздника — Холь-гамоэд, который начинается и всегда кончается хорошим днем, праздник оптимистов-трудолюбивых и любителей вкусить семь видов фруктов и злаков. И как тут, с большой долей иронии, не вспомнить нам строчки известного советского шлягера — марша коммунистических бригад: «Трудовые будни — праздники для нас», а вместе

ни, арахис, гранаты и яблоки и, конечно же, — буксер, плод рожкового дерева, который, упав на землю, становится сладким.

Но и встреча солнца, как и ожидание новой луны, нового месяца, рош-ходеша, с его особыми молитвами и очень красивыми службами изображены на полотнах Цапа как некие мистические действия, определяющие дальнейшую судьбу чуть ли не всего еврейского мира.

Иногда реализм изображения становится похожим на иллюзию, на полеты во сне и наяву. Это картины «На новое место», «Черта оседлости», в которых переселенцы и основатели передвигаются по огромным просторам Евразии самостоятельно и по воздуху свободно без помощи Аэрофлота.

Только совершенному человеку неведомо земное тяготение и юдоль скорби. Вот они и летают, мелькая черными сапогами, эти все земные, биробиджанские евреи-мастера, портные и пекари, вальщики леса и философы, каменщики, плотники и учителя нравственности вместе с гусами-лебедями над красными крышами славного города Биробиджана.

Это хорошо, когда личное искусство отражает лик эпохи. В нем, как в фокусе, собирается в точку все, что предшествует

Из пивной

вало тому моменту культуры, и все, что составляло тогда его «настоящее». Живопись Владислава Цапа для нас сегодня как зеркало уходящей эпохи, где эпоха отражена в зеркале ее героев. Это своего рода «живописный местечковый романс». В нем красочно отражена культура еврейского меньшинства на краю советской ойкумены, его повседневная жизнь, язык, музыка, поэзия и весь Круг жизни человеческой, как продукт диалектики высокого и низкого, элитарного и народного, секулярного и религиозного, а также мужского и женского.

Здесь талант художника можно назвать талантом па-

очень помогает жить и выживать, хотя часто и вступает в противоречие с юношеским максимализмом, стремлением к автономии и отрыванию праха с ног. Люди, верные общине, всегда благодарны и памятливы. Память — это не только физиологическое свойство, это еще и талант, украшающий образ совершенного Человека. «Пока помню, живу и действую!» — вот девиз любого историка-летописца и художника-иллюстратора своей эпохи.

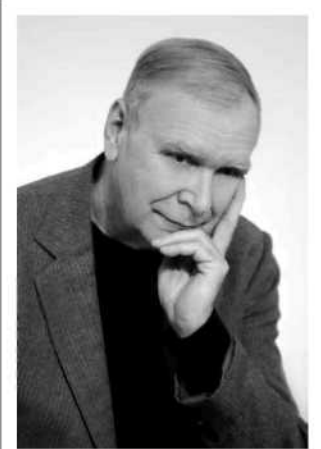
Что остается в душе зрителя после ознакомления с полотнами этого художника? Музыка и голоса прошлого, запечатленные в масляной

Любящая жена

краске. А еще и глубокое переживание, которое следует понимать как горячее выражение веры, похожее на мистический молитвенный стих благодарения после трапезы: «Я был молод, а теперь я стар, и я никогда не видел праведника брошенным, а его детей без хлеба».

Анатолий Апостолов
(Персональная выставка художника в Москве, в Доме национальностей, 17 сентября 2015 г.)

Анатолий Геннадьевич Апостолов — русский писатель, поэт, публицист, академик Международной Кирилло-Мефодиевской академии славянского просвещения. В настоящее время он возглавляет одно из самых важных направлений деятельности МКМАСП — «Общеславянское единение».